

2017 – 2018 учебный год
Задания для второго этапа
всероссийской олимпиады по литературе
(муниципальный уровень)
10 класс.

Задание 1. Анализ прозаического или поэтического текста. Выберите один из вариантов.

Вариант №1

Выполните целостный анализ рассказа Е. Замятина «Часы», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- систему персонажей;
- образную систему, значимые детали;
- субъектную организацию;
- особенности повествования

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

Часы

В этом рассказе не появляются на сцене никакие в Бозе почившие высокие особы. Мой скромный герой Семен Зайцер - или, если угодно, товарищ Зайцер - благополучно здравствует по сей день и проживает все там же, в доме N 7 по Караванной улице в Ленинграде. И тем не менее - это рассказ исторический, ибо описываемые здесь происшествия случились в ту романтическую эпоху, когда время в России считалось еще на года, а не на пятилетки, когда водка была объявлена буржуазным ядом и жаждущие забвения пили одеколон, когда в синей морозной пустыне петербургских улиц всю ночь щелкали выстрелы, когда веселые бандиты отпускали домой прохожих в одном воротничке и галстук, когда лучшим подарком любимой девушке был перевязанный ленточкой фунт сахара, когда всего за один воз дров товарищ Зайцер приобрел свои знаменитые золотые часы.

Зайцер был великий человек: он заведовал заготовкой дров для замерзающего Петербурга, он подписывал дровяные ордера, он согревал людей, как солнце, - круглый, рыжий, сияющий. И если вы осмеливались когда-нибудь смотреть на солнце, вы заметили, вероятно, что у него не только сияющий, но как бы несколько ошеломленный своим собственным сиянием вид. Именно

такое самоудивление было на лице товарища Зайцера: брови у него всегда были выразительно вздернуты вверх, как будто он до сих пор никак не мог поверить, что он, Зайцер, вчерашний портновский подмастерье в городе Пинске, сидит теперь в собственном служебном кабинете, что в его распоряжении находится секретарша Верочка, что у него в жилетном кармане лежат золотые часы, что...

Впрочем, раскроем лучше все карты сразу и, не тратя драгоценных строк, скажем прямо, что вышеупомянутый фунт сахара с розовой ленточкой был преподнесен именно товарищем Зайцером секретарше Верочке и что золотые часы были им приобретены тоже ради Верочки - в качестве противоядия серебряному кавказскому поясу, на днях появившемуся на тонкой талии товарища Кубаса, секретаря коммунистической ячейки и редактора стенной газеты в зайцерском учреждении.

Но Верочка - увы! - не замечала знаменитых золотых часов. Товарищ Зайцер уже несколько раз щелкал крышкой, он положил часы перед собой на грудку бумаг, а Верочка по-прежнему рассеянно смотрела в окно на медленные хлопья снега. Товарищ Зайцер наконец не выдержал и сказал:

- Слушайте, товарищ Верочка, вы видели такие часы, а? Так я вам скажу, что вы - нет, не видели!

Он сверкнул в воздухе часами, сунул их в жилетный карман - и Верочка сейчас же услышала как бы исходившую из недр самого Зайцера нежнейшую фейную музыку и затем серебряный звон: девять. Верочка широко открыла глаза (они были синие). Зайцер, сияя, объяснил, что стоит только незаметно нажать в часах "вот здесь, на ихний, так сказать, животик, - и вы уже имеете и музыку, и время!" Верочке сейчас же захотелось попробовать самой - можно? Боже мой, ну что за вопрос! Ну, конечно!

Верочка подошла к товарищу Зайцеру. Она стала нащупывать рукой скрытую в его груди (точнее - в жилетном кармане) музыку. Совсем близко перед глазами Зайцера была ее шея, ее обнаженная до локтя рука. Верочка была вся чуть позолочена, она вся была покрыта тонким золотым пушком, она была слегка меховая - и может быть, именно это-то в ней и было то самое, что могло свести с ума хоть кого. Когда Верочка нашла наконец часы и надавила на них рукой, это было так, как будто она тихонько сжала в руке сердце товарища Зайцера. Его пойманное сердце забилося, он решил: как только часы кончат свою музыку - он немедленно скажет Верочке то, что он давно уже хотел сказать, но все никак не мог набраться храбрости.

Очень вероятно, что он и в самом деле сказал бы, если бы в этот момент в кабинет не вошел товарищ Кубас. Верочка, покраснев, выпрямилась, Зайцер зашуршал бумагами, ядовитый змеиный хвостик улыбки мелькнул и спрятался

в углу губ товарища Кубаса. Он нарочно помедлил секунду и затем подсушенным официальным тоном заявил, что товарищ Вера должна быть сегодня откомандирована для составления очередного номера стенной газеты. Зайцер приветливо улыбнулся:

- Дорогой товарищ Кубас, вы же забываете, что сегодня вечером у нас заседание и я должен продиктовать моей (подчеркнуто) секретарше доклад о весенней кампании по заготовке дров. Товарищ Вера, принесите сюда свою пишущую машинку, я вас прошу...

Верочка вышла. Снимая чехол с машинки, она слышала сквозь дверь кабинета, как голоса там становились все громче, как они поднялись до крика. "Без нее я не могу выпустить стенгазету! Вы срываете работу по политическому воспитанию трудящихся!" - кричал Кубас. "А вы суете свою палку в колесо отопления красной столицы!" - кричал Зайцер. Верочка знала, что именно от нее зависит политическое воспитание трудящихся и отопление красной столицы. Но она до сих пор не могла понять своего сердца: кто - товарищ Зайцер или товарищ Кубас? Зайцер - уютный и теплый, у него дрова и часы и квартира (не комната, а целая квартира!). У Кубаса - перетянутая серебряным поясом тонкая талия, у него острые птичьи глаза, с ним страшновато, но... Что "но", Верочке было неясно. Ясно было только одно, что срок пришел, что если не сейчас - там, в кабинете, то сегодня вечером, ночью, завтра утром все должно было наконец как-то разрешиться. Но как? Как - чтобы не пришлось потом жалеть о сделанной ошибке? Верочка вздохнула, своими пушистыми руками осторожно подняла тяжелую, как судьба, машинку и понесла ее навстречу роковым решениям в кабинет.

- Сидите, прошу вас, - сказал Верочке Зайцер. - Я сейчас буду вам диктовать.

- Ах, так? Очень хорошо! - товарищ Кубас кинул Зайцера глазами и вышел.

Верочка положила руки на клавиши. В тишине было слышно, как тяжело дышал Зайцер. Он смотрел на ее руки... За окном падал пушистый снег.

- Да... Так вот, значит, - весна, - сказал Зайцер.

- Весна? - удивилась Верочка.

- Если я говорю, что весна, то, значит, - да, весна. Пишите: "К началу нашей весенней кампании..."

Товарищ Зайцер, наперекор стихиям, был прав. Вы думаете, что весна - это розовое, голубое и соловьи? Сентиментальный предрассудок! На снежной поляне два вчера еще пасшихся рядом оленя вдруг кидаются один на другого из-за оленьей девушки - это весна. Вчера еще смиренные, как олени, люди сегодня становятся героями и окрашивают снег своей кровью - это весна. Цвет весны не голубой, не розовый, а красный - опасности, страсти, лихорадки, сражения.

Вечернее заседание в зайцеровском кабинете было сражением, вернее, поединком. Верочка лихорадочно стенографировала выстрелы - иначе нельзя было назвать реплики, которыми обменивались противники. Каждый пункт в докладе Зайцера Кубас осыпал двадцатидюймовыми цитатами из Ленина. Каждый куб дров становился чем-то вроде знаменитого "дома паромщика" в марнских боях.

- Слушайте, товарищ Кубас, этак мы и к утру не кончим! - не выдержал председатель.

Чтобы не компрометировать себя капиталистическим блеском золота, Зайцер еще в начале заседания положил свои часы в ящик письменного стола. Теперь он незаметно выдвинул ящик, взглянул: двенадцать. Уже замолкли звонки последних трамваев, уже вышли на промысел ночные бандиты, когда наконец началась баллотировка. Верочка в лихорадке подсчитывала голоса: она знала, что голосуются не кубические метры дров, но человеческие сердца.

Десять голосов против одного. Этот один, разбитый наголову, туго стянув свой серебряный кавказский пояс, ушел, не прощаясь ни с кем. И, разумеется, счастливый победитель - Зайцер отправился провожать Верочку домой.

Чуть сияющие снегом ущелья улиц были темны и пусты: нигде ни души, ни единого огонька в черных окнах. Если бы товарищ Зайцер был теперь в этой пустыне один, он, может быть, шел бы на цыпочках, чтобы не было слышно скрипа его сапог на снегу, он, вероятно, шархнул бы от первого встречного в сторону, он, конечно, пустился бы бежать во всю прыть. Но сейчас, когда где-то впереди мелькнул выстрел и теплая рука Верочки вздрогнула в его руке, Зайцер только засмеялся:

- Ну и что? Пусть себе стреляют, я же с вами.

Это был новый, героический Зайцер. Этому Зайцеру даже хотелось, чтобы случилось что-нибудь страшное, он ничего не боялся. Кроме только одного: предстоящего сейчас объяснения с Верочкой. Боже мой... как, с чего начать? Начать - это страшнее всего.

Зайцер неистово крутил пуговицу своего пальто, как будто она-то и мешала ему раскрыть рот. Пуговица наконец оторвалась, Зайцер заговорил:

- Я вам хочу сказать, Верочка, одну вещь...

"Вот оно!" Верочкина рука вздрогнула, как недавно от выстрела.

- Какую вещь? - спросила Верочка, хотя она и отлично знала - какую.

- У моей мамыши - кошка вчера окотилась, - выпалил Зайцер.

Верочка в полном недоумении посмотрела на Зайцера. Зажмурив глаза, он продолжал умиленным, теплым голосом:

- ...Знаете, лежит и себе поет, и семеро котят. И я смотрю и говорю: "Ой, Семен, ты тоже мог бы петь, как эта счастливая семейная кошка..."

По-видимому, Верочка слишком живо вообразила товарища Зайцера в счастливом положении семейной кошки: ямочка на правой щеке у ней задрожала, она закрыла рот рукой. Зайцер увидел это и понял: она сейчас вслух засмеется - и тогда погибло все... Он в ужасе ждал этого смеха, как в романах Толстого герои ждут взрыва крутящейся бомбы.

И вдруг он почувствовал, что пальцы Верочки крепко стиснули его руку, она вся прижалась к нему. Зайцеру захотелось неистово закричать от счастья. Он нагнулся к Верочке ближе...

- Да смотрите же! - испуганно шепнула ему Верочка.

Тогда Зайцер увидел: с противоположной стороны улицы наперерез им быстро шел высокий человек в военной шинели без погон. Одну секунду, не больше, существовал прежний Зайцер, попятившийся назад. Но тотчас же новый, героический Зайцер скомандовал Верочке: "Прячьтесь в подъезд!" - шагнул навстречу бандиту и, заняв позицию недалеко от проглотившего Верочку темного подъезда, остановился. Зайцер весь дрожал, но это не был страх: так, бурля, дрожит паровой котел, напряженный до предела своих пятнадцати атмосфер.

Человек в военной шинели подошел и тоже остановился. Страшная бесконечная пауза. Зайцер не мог больше ждать. Пересохшим голосом он сказал:

- Ну, и что?

Держа руку в кармане (револьвер!), человек молчал. Зайцер успел схватить глазами наглые, как у кайзера Вильгельма, усы и очень белые, крепкие зубы.

Человек молчал, явно издеваясь: это для Зайцера было ясно. И еще яснее это стало, когда усы зашевелились и хрипло спросили:

- Спички есть?

Зайцер кипел, ему хотелось сразу же кинуться, ударить, но он принял вызов, он притворился, что поверил в спички, он достал коробок, зажег. Человек нагнулся к Зайцеру совсем вплотную, бесцеремонно взял его рукою за борт пальто, отогнул - чтобы ветром не задуло зажженную спичку, закурил. Зайцер увидел: на пальце человека блеснул перстень (снятый с кого-то, может быть, в эту же ночь). Зайцер почувствовал легкое, едва заметное прикосновение чужой руки. Он хотел уже потушить спичку, чтобы не видеть издевательски шевелящихся усов, как вдруг в красноватом пламени спички перед Зайцером проплыли в воздухе... золотые часы.

Потребовалась какая-то доля секунды, чтобы Зайцеру стала ясна вся механика проделанного бандитом трюка с закуриванием папиросы. И еще доля секунды, чтобы схватиться за свой жилетный карман: часов там уже не было. Сердце у Зайцера бешено забилося, он бросил еще горящую спичку прямо в лицо грабителя, выхватил у него свои часы и дико заорал (он никогда не думал, что у него может быть такой голос):

- Руки вверх! Застрелю! - и сунул руку в карман своего пальто.

Этот жест был так решителен, отпор был так неожидан, что бандит поднял руки вверх, а затем, не дожидаясь, пока Зайцер выстрелит, согнулся и, делая петли, побежал в темноту за углом.

Зайцер вынул из пальто платок (никакого револьвера, конечно, у него там не было) и вытер пот. Он еще весь дрожал, когда к нему подбежала бледная Верочка.

- Что? Что? - схватила она его за руку.

- Ничего. Вот... - Зайцер встряхнул на ладони отвоеванные часы. - Негодяй! Он их уже вытащил, вы понимаете? Но он-таки серьезно ошибся со мной.

- Но как же вы не боялись, что он... Нет, я даже не думала, что вы - такой! - глаза у Верочки восторженно блестели.

- Я вам скажу, Верочка, что если бы он даже выстрелил, то мне это все равно, потому что я сейчас как сумасшедший, потому что я вас... Ой, боже мой, вы же, Верочка, знаете!

Верочка, блестя глазами, молчала. Но там, внизу, в темноте, рука Верочки, ласкаясь, как кошка, медленно вползла в рукав Зайцера, его ладони коснулась кисть, покрытая невыносимым пушком. Сердце Зайцера оторвалось, как от ветки сладкое, спелое яблоко, и упало вниз.

- Ну, и что же вы молчите? Я же не могу больше! - крикнул Зайцер.

- Я вам лучше скажу завтра утром, хорошо?

Но Верочкины глаза и легкое движение ее руки все сказали Зайцеру уже сейчас... На утро осталась, по-видимому, только банальная счастливая развязка. Впрочем, не правильнее ли будет сказать, что банальной из зависти называют ее те, кому не дано судьбой чувствовать весну в любое время года.

Неизвестно, спал ли товарищ Зайцер в эту весеннюю снежную ночь (едва ли). Неизвестно, спала ли Верочка (может быть). Но наутро к приходу товарища Зайцера все в его учреждении уже знали, что он - герой. Когда наконец он появился, его окружили, его засыпали вопросами, поздравлениями, улыбками. Не останавливаясь, пробормотав что-то неясное, Зайцер устремился в свой кабинет. Странно, но вид у него был совершенно не соответствующий его героическому положению: он был растерян, бледен. Может быть, это было

результатом бессонной ночи, может быть, он слишком волновался в ожидании встречи с Верочкой и ее обещанного ответа. Еще страннее было, что, вбежав в свой кабинет, он только испуганно, боком взглянул на Верочку, кивнул ей и сейчас же кинулся к письменному столу. Торопливо расстегнув пиджак, он вынул свои золотые часы, бросил их на грудку бумаг, выдвинул ящик стола - и, нагнувшись над ним, застыл. Брови его были подняты до крайнего, допускаемого природой, предела.

- Что случилось? - испуганно подбежала к нему Верочка.

- Что случилось? - чужим голосом сказал Зайцер. - Вот что случилось!

Из ящика письменного стола он достал и рядом с золотыми часами положил... золотые часы. Верочка круглыми глазами смотрела, ничего не понимая.

- Так я же его ограбил - этого негодяя! - в отчаянии закричал Зайцер. - Вот же мои часы, они себе лежали здесь, а тот подлый бандит имел свои часы, вы поняли, да?

Верочка поняла. Зайцер увидел, как задрожала ямочка на ее правой щеке. Она отвернулась. Какой-то странный звук, похожий на задушенное рыдание, через секунду - взрывы неистового, неудержимого смеха - и Верочка стремглав вылетела в дверь.

Вероятно, она упала там, корчась, задыхаясь, на первый попавшийся стул. Из кабинета было слышно, как она сказала, вернее, крикнула что-то столпившимся около нее сослуживцам - и следом за тем стихийная катастрофа хохота, перекидываясь из комнаты в комнату, из этажа в этаж, охватила все учреждение товарища Зайцера.

Засунув пальцы в волосы, он сидел один в кабинете. Перед ним лежало двое золотых часов. Когда скрипнула дверь и в кабинет просунулась чья-то голова, Зайцер, не поднимая глаз, пробормотал:

- Я сейчас занят. Завтра...

Больше уж никто не рисковал к нему войти - и меньше всех Верочка: она знала, что, как только она его увидит - она не вытерпит и опять засмеется ему в лицо.

Когда в учреждении затихли последние шаги, захлопнулись последние двери, Зайцер встал, сунул в карман свои (настоящие свои) часы, подошел к столику, на котором стояла прикрытая чехлом Верочкина машинка. Горькими глазами он посмотрел на ее пустой стул, прижал руки к сердцу. Рядом с сердцем помещались часы - и эти проклятые, погубившие его часы заиграли свою музыку. Зайцер яростно надавил рукой, чтобы музыка перестала, в часах что-то хрустнуло - они замолчали.

Пустые, обезлюдевшие комнаты, лестница, вестибюль. На стене в вестибюле Зайцер увидел экстренный номер стенгазеты, выпущенный сегодня Кубасом (и может быть, Верочка ему помогала). Там был изображен маленький смешной человечек с свирепо вздернутыми бровями, в каждой руке у него были огромные часы. Внизу была крупная подпись: "Руки вверх!"

Зайцер поспешно отвернулся и вышел, навсегда, из своего учреждения, из сердца Верочки, из этого рассказа.

1934

Вариант №2

Выполните целостный анализ стихотворения А. Тарковского «Дом напротив», принимая во внимание следующие аспекты его поэтики:

- образную систему и значимые художественные детали;
- художественное пространство и время;
- лирический сюжет;
- ритмико-метрическую и звуковую организацию.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Арсений Тарковский

Дом напротив

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром -

С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами.

Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,

И все осталось навсегда, как было.
Но обнажились между тем стропила,

Забрезжила в проемах без стекла
Сухая пыль, и выступила мгла.

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забывшие надежды и желанья.

Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни шаг от милой им земли

Не отходили призраки бывшего,
И про рябину пели песню снова,

На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,

Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,

И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,

Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,

Пока над ними кран, как буква "Г",
Не повернулся на одной ноге.

1958

Задание 2. Творческое.

Познакомьтесь с фрагментами из эссе писателя Владимира Набокова «Пушкин, или правда и правдоподобие».

«По-моему, пушкинский период – это последняя в беге времени эпоха, куда наше воображение еще может проникнуть без паспорта, наделяя детали жизни чертами, заимствованными из живописи, которая тогда еще сохраняла монополию в изобразительном искусстве. Подумать только, проживи Пушкин еще 2-3 года, и у нас была бы его фотография. Еще шаг, и он вышел бы из тьмы, богатой нюансами и полной живописных намеков, где он остается, прочно войдя в наш тусклый день, который длится уже сто лет. Вот что я считаю достаточно важным, фотография – эти несколько квадратных сантиметров света – торжественно открывает к 1840 году новую эру в изображении, продолжающуюся до наших дней, открывает так, что, начиная с этой даты, до которой не дожили ни Байрон, ни Пушкин, ни Гете, мы находимся во власти нашего современного представления и в этом представлении все знаменитости второй половины XIX века принимают вид дальних родственников, одетых во все черное, словно они носили траур по былой радужной жизни; чьи портреты всегда стоят в углах грустных и темных комнат, с мягкой, но отяжелевшей от пыли драпировкой на заднем плане.»

(...)

«А какое наслаждение для мечты русского проникнуть в мир Пушкина!

(...) В сущности, не имеет значения, если то, что мы представляем в своем

воображении, всего лишь большой обман. Предположим, окажись у нас возможность вернуться назад и пробраться в эпоху Пушкина, мы бы его не узнали. Ну и что! Это удовольствие даже очень строгий критик, делающий в своем воображении то же самое, что и я, мне не может испортить.

Вот он, этот невысокий живой человек, маленькая смуглая рука которого написала первые и самые прекрасные строки нашей поэзии; вот он, взгляд голубых глаз, составляющий резкий контраст с темными кудрявыми волосами. В то время, т. е. к 1830 году, в мужском костюме еще отражалась необходимость пользоваться лошадью, мужчина был все еще всадник, а не похоронный агент, т. е. практический смысл одежды еще не исчез (когда со смыслом исчезла и красота). Лошадью пользовались всерьез, и действительно были необходимы сапоги с отворотом и широкий плащ. Отсюда и определенная элегантность, которой воображение наделяет Пушкина, впрочем, он, следуя капризу времени, любил наряжаться цыганом, казаком или английским дэнди. Не будем забывать, что любовь к маскараду – действительно характерная черта поэта. Смеющийся во все горло, пристукивая каблуками, он мелькает передо мной, как мелькают люди, вдруг, в порыве ветра возникающие на пороге какого-нибудь ночного кабаре (никогда больше не увидишь их лиц, освещенных уличным фонарем, не услышишь голосов и веселых шуток), потому что прошлое – это ли не кабаре, кабаре в разгаре ночи, дверь которого я открываю с нетерпением. Я прекрасно понимаю, что это не Пушкин (...). Какая разница! Мне нравится эта игра, и вот я уже сам в нее поверил. Одно другим сменяются видения: вот он ...

.....

«Пойдя этим путем, можно написать целую книгу. Однако, я не виноват в том, что у меня возникли эти видения, видения близкие всем русским, которые знают своего Пушкина и который так же неизбежно составляет часть нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или что-то другое, привычное нашему уму. Возможно, все это обманчиво, и настоящий Пушкин в них не узнал бы себя, но если я вложил сюда хоть немного той любви, которую я испытываю к его произведениям, то эта воображаемая жизнь не напоминает ли если не самого поэта, то его творчество?»

ЗАДАНИЕ: используя пропуск в следующем фрагменте: «Мне нравится эта игра, и вот я уже сам в нее поверил. Одно другим сменяются видения: вот он» создайте серию зарисовок, представляющих эскизные портреты Пушкина, основанные на фактах его творческой и личной биографии.

Вы можете закончить эту серию зарисовок в любой момент, потому что, как выразился В. Набоков, «пойдя этим путем, можно написать целую книгу». Помните, однако, что ваши зарисовки должны руководствоваться тем принципом, который озвучен в эссе «Правда и правдоподобие»: «Возможно, все это обманчиво, и настоящий Пушкин в них не узнал бы себя, но если я вложил сюда хоть немного той любви, которую я испытываю к его произведениям, то эта воображаемая жизнь не напоминает ли если не самого поэта, то его творчество?»